

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Щедрость Суллы	5
Глава II. Спартак на арене	20
Глава III. Таверна Венеры Либитины	39
Глава IV. Как Спартак пользовался своей свободой	58
Глава V. Триклиний Катилины и приемная Валерии	78
Глава VI. Угрозы, интриги и опасности	100
Глава VII. Как смерть опередила Демофила и Метробия .	131
Глава VIII. Последствия смерти Суллы	151
Глава IX. Как один пьяница вообразил себя спасителем республики	181
Глава X. Восстание	208
Глава XI. От Капуи до Везувия	239
Глава XII. Спартак доводит число своих воинов с шестисот до десяти тысяч	258
Глава XIII. От Казилинской до Аквинской битвы	282
Глава XIV. Спартак устраивает смотр своим легионам ...	208
Глава XV. Спартак одерживает победу еще над одним претором и преодолевает тяжелые искушения	245
Глава XVI. Лев у ног девушки. — Убийца, понесший наказание	370
Глава XVII. Арторикс-скоморох	390
Глава XVIII. Консулы на войне. — Камеринское сражение. — Смерть Эномая	417

Глава XIX. Битва при Муине. — Мятежи. — Марк Красс действует	442
Глава XX. От сражения при Гарганской горе до похорон Крикса	467
Глава XXI. Спартак в Лукании. — Птицелов, попавший в сеть	490
Глава XXII. Последние сражения. — Поражение при Брананусе. — Смерть	514
Заключение	544
Объяснение имен и названий	548

Д. Гарибальди — Джованьоли Капрера,
26 июня 1870 г.

Мой дорогой Джованьоли!

Я проглотил вашего «Спартака», несмотря на то что у меня мало времени для чтения, и он вызвал во мне чувство восторга и восхищения.

Я надеюсь, что наши сограждане оценят огромные достоинства вашего произведения и, прочтя его, проникнутся неодолимой стойкостью в борьбе за святое дело свободы.

Вы, римлянин, изобразили не лучшую, но наиболее блестящую эпоху истории величайшей республики — эпоху, когда гордые хозяева мира уже начали опускаться в бездну порока и разложения, но, несмотря на развращенность и пороки, подобно гигантам возвышались над предыдущими поколениями всех эпох и народов.

«Из всех великих людей — величайшим был Цезарь», — сказал один знаменитый философ, а как раз личность Цезаря наложила отпечаток на эпоху, изображенную вами.

Образ Спартака — этого Христа-искупителя рабов — вы изваяли резцом Микеланджело, и я, получивший свободу раб, благодарю вас за это и за те моменты волнения, которые я пережил при чтении вашей книги: то я воодушевлялся чудесными подвигами рудиярия, то слезы орошали мое лицо, а к концу повести я испытал чувство разочарования оттого, что она так коротка.

Да сохраняют наши сограждане память об этих героях, которые все спят в родной нам земле, где больше не будет ни гладиаторов, ни господ.

Всегда ваш

Джузеппе Гарибальди

Глава I

ЩЕДРОСТЬ СУЛЛЫ

За четыре дня до ноябрьских ид (10 ноября) 675 года римской эры, в консульство Публия Сервилия Ватия Изаурика и Аппия Клавдия Пульхра, улицы Рима с самого рассвета были заполнены народом. Он валил из всех частей города к Большому цирку.

От узких, кривых и многолюдных улиц Эсквилина и Субурры, населенных преимущественно простым людом, толпа, все нарастая, устремлялась по главным улицам: Табернельской, Гончарной, Новой — в одну сторону — к цирку.

Граждане, рабочие, пролетарии, отпущенники, старые, искалеченные и покрытые рубцами гладиаторы, нищие и изувеченные ветераны гордых легионов, простолоюдинки, шуты и скоморохи, танцовщицы и толпы резвых детей шли бесконечной вереницей. Радостные лица, веселые взгляды, беззаботные речи и легкие шутки свидетельствовали о том, что народ собирался на какое-то излюбленное зрелище.

Цирк, построенный в 138 году от основания Рима царем Тарквинием Древним, стал называться Большим с 533 года, когда цензор Квинт Фламиний выстроил другой цирк, названный его именем.

Большой цирк, расположенный в Мурсийской долине между Палатинским и Авентинским холмами, не достиг еще ко времени событий, описываемых в этой книге, тех необъятных размеров и того великолепия, которые придали ему впоследствии Юлий Цезарь и Октавиан Август, но все же это было огромное, величественное здание длиной в две тысячи сто восемьдесят шагов и шириной в девятьсот девяносто восемь, вмещавшее свыше ста двадцати тысяч зрителей.

Здание цирка имело почти овальную форму и было срезано с запада по прямой линии, восточная же его сторона замыкалась полукругом. В западной части цирка находился оппидум — постройка с тринадцатью арками. В средней арке был один из двух главных входов в цирк, называемый Парадными воротами. Через них на арену входила процессия с изображениями богов, ее появление служило знаком для начала игр. В остальных двенадцати арках располагались конюшни, или темницы. В них помещались колесницы и лошади, когда арена служила для бегов; и гладиаторы и хищные звери, когда происходили кровопролитные состязания.

От оппидума сбегали полными кругами многочисленные ряды ступенек — сиденья для зрителей. Ряды сидений оканчивались в портике под арками, где были места для знатных женщин.

Против Парадных ворот находились Триумфальные ворота. Через них выходили победители. По правую сторону от оппидума были расположены Ворота смерти. В эту зловещую дверь особые служители цирка при помощи длинных крючьев убирали изуродованные тела убитых или умирающих гладиаторов.

Разрезая арену, между оппидумом и Триумфальными воротами тянулась шагов на пятьсот низкая стена, так называемый хребет. Она служила для определения дистанции во время бегов.

Посередине хребта возвышался обелиск солнца, а по сторонам его — башенки, колонны, жертвенники и статуи.

Арену окружал парапет. Вдоль него тянулся ров, наполненный водой, а за рвом поднималась железная решетка. Все эти преграды охраняли зрителей от возможного нападения диких зверей, свирепствовавших на арене.

Так выглядело это грандиозное, предназначенное для зрелищ здание, все более наполнявшееся бесконечными толпами римлян.

Что же происходило в этот день? Какой праздник? Какое зрелище привлекало такую массу народа в цирк?

Луций Корнелий Сулла Счастливый, властитель Италии, гроза Рима, еще за несколько недель приказал оповестить, что три дня подряд он будет угощать и развлекать зрелищами римский народ.

И уже накануне зрелищ в цирке вся римская чернь восседала на Марсовом поле и вдоль Тибра за столами, приготовленными по приказанию грозного диктатора. Она шумно пировала вплоть до наступления ночи, предавшись под конец разнузданной оргии. Этот пир, устроенный страшным врагом Гая Мария, отличался царской роскошью и великолепием, неслыханным изобилием пищи и самых тонких вин.

Щедрость Суллы Счастливого была такова, что для этих празднеств и игр, устроенных в честь Геркулеса, он пожертвовал десятую часть своих богатств.

Так Сулла левой рукой дарил римлянам часть богатств, которые он наградил правой, и граждане Рима, в глубине души смертельно ненавидевшие Луция Корнелия Суллу, принимали от него с притворно веселым видом зрелища и угощения.

Наступил день. Яркие солнечные лучи, пронизывая тучи, позолотили вершины десяти холмов, храмы, ба-

зилики и сверкающие белизной драгоценного мрамора дворцы патрициев. Своей живительной теплотой солнце согрело людей, разместившихся на скамейках Большого цирка. Свыше ста тысяч граждан ожидали наиболее любимого римским народом зрелища — боя гладиаторов.

Трудно представить величавую панораму огромного цирка, заполненного сотней тысяч зрителей обоого пола, разного возраста и положения. Шум массы народа, мощный, как гул вулкана, мелькание голов и рук, похожее на яростное и грозное волнение моря во время бури, были лишь деталями великолепной ни с чем не сравнимой картины, которую представлял Большой цирк в этот момент.

В амфитеатре простолюдины ели принесенную с собой пищу. С большим аппетитом они уплетали ветчину, холодную говядину, излюбленную кровяную колбасу и сырные и медовые пирожки или сухари. Еда сопровождалась острыми словечками, непристойными шутками, беззаботной болтовней, громким, непрерывным смехом и частыми возлияниями.

Продавцы жареных бобов и пирожков находили покупателей среди плебеев, которые, желая побаловать своих жен и детей, покупали эти дешевые лакомства.

Изысканно вежливые и важные семьи богачей, всадников и патрициев, собирались оживленными группами. Элегантные щеголи покрывали циновками и коврами твердые сиденья и открывали зонтики, чтобы защитить красивых матрон и грациозных девушек от палящих лучей солнца.

Близ Триумфальных ворот, в третьем ряду сидела между двумя кавалерами матрона необыкновенной красоты. Эта женщина своим стройным и гибким станом и роскошными плечами с первого взгляда производила впечатление подлинной дочери Рима.

Правильные черты лица, большой лоб, красиво изогнутый нос, маленький рот, большие черные выразительные глаза придавали ей чарующую прелесть. Мягкие и тонкие волосы цвета воронова крыла, густые и незавитые, собранные на лбу под диадемой из драгоценных камней, ниспадали на плечи.

Туника из тончайшей белой шерстяной материи, отороченная внизу изящной золотой полосой, позволяла видеть всю грацию ее тела; поверх туники ниспадала красивыми складками белая палла с пурпурными полосами.

Этой женщине, так роскошно одетой и такой красивой, не было, вероятно, еще и тридцати лет; то была Валерия, дочь Луция Валерия Мессалы, единоутробная сестра Квинта Гортензия, знаменитого оратора, соперника Цицерона. Всего несколько месяцев назад Валерия была отвергнута своим мужем под предлогом ее бесплодия. В действительности же причиной развода было ее поведение, о котором давно шли громкие толки по всему Риму: молва считала Валерию развратной женщиной. Как бы то ни было, но она разошлась с мужем таким образом, что ее честь осталась достаточно защищенной от подобных нареканий.

Возле нее сидел Эльвий Медуллий — длинный, бледный, худой, прилизанный, надушенный. На неподвижном и невыразительном лице этого человека лежала печать скуки и апатии; уже в тридцать пять лет жизнь казалась ему неинтересной. Эльвий Медуллий был из тех изнеженных римских патрициев, которые право жертвовать собой за отечество и его славу предоставляли плебейам, сами же предпочитали проматывать в роскошной праздности родовые имена.

По другую сторону Валерии Мессалы сидел Марк Деций Цедиций, патриций лет пятидесяти, с круглым открытым лицом, веселый, красивый, невысоко-

го роста толстяк; высшим счастьем для него было как можно более продолжительное пребывание за столом в триклинии. Он тратил половину своего дня на смакование изысканных блюд, которые ему приготавливал его повар, один из известнейших специалистов в Риме. Другую половину дня он посвящал мыслям о вечерней трапезе. Одним словом, переваривая обед, Марк Деций Цедиций мечтал о часе ужина.

Сюда же позже пришел Квинт Гортензий, славившийся своим красноречьем. Ему еще не исполнилось тридцати шести лет. Он долго изучал манеру двигаться и говорить; отлично научился гармонически управлять каждым своим жестом, каждым словом, так что в Сенате, в триклинии или в ином месте каждое его движение обнаруживало поразительное благородство и величие, казавшиеся врожденными. Гортензий был искусным артистом; половиной своих триумфов он был обязан мелодичному голосу и всем приемам декламационного искусства, настолько хорошо им усвоенным, что даже Эзоп, известный трагический актер, и знаменитый Росций спешили на Форум, когда Гортензий произносил речи, чтобы учиться у него декламации.

Недалеко от места, где сидела Валерия, находились под присмотром воспитателя два мальчика, принадлежавшие к классу патрициев, четырнадцати и двенадцати лет. Это были Цепион и Катон, из рода Порциев, внуки Катона Цензора, который прославился во время Второй Пунической войны тем, что добивался во что бы то ни стало уничтожения Карфагена.

Цепион, младший из братьев, казался более разговорчивым и приветливым, и в то время как он часто обращался к Сарпедону, своему воспитателю, юный Марк Порций Катон стоял молчаливый и надутый, с сердитым видом, вовсе не соответствовавшим его возрасту. Уже теперь чувствовались стойкость и твер-

дость его характера и упорная непреклонность убеждений. Врожденная закаленность духа, изучение греческой, в частности стоической, философии и, наконец, упорное подражание традициям, связанным с именем его сурового деда, сделали из этого четырнадцатилетнего мальчика настоящего гражданина. Впоследствии он лишил себя жизни в Утике, унеся с собой в могилу знамя латинской свободы, завернувшись в него, как в саван.

Над Триумфальными воротами, на скамье близ выхода сидел также с воспитателем еще один мальчик патрицианского рода; он был поглощен беседой с юношей, которому было немногим более семнадцати лет. На бледном лице юноши, обрамленном блестящими черными волосами, сверкали большие черные глаза, в них вспыхивали искры великого ума.

Это был Тит Лукреций Кар, обессмертивший впоследствии свое имя поэмой «О природе вещей». Его собеседник, двенадцатилетний мальчик Гай Лонгин Кассий, сын бывшего консула Кассия, смелый и крепкий, занял впоследствии одно из самых видных мест в истории событий, происходивших до и после падения римской республики.

Лукреций и Кассий оживленно беседовали.

Недалеко от них сидел тщеславный и хитрый Фауст, сын Суллы. Его бледное помятое лицо носило следы недавних ушибов. Хилый, рыжеволосый, с голубыми глазами, он сидел с таким видом, словно гордился тем, что отмечен перстом судьбы как счастливый сын счастливого диктатора.

Пока зрители ждали прибытия консулов и Суллы, устроившего для римлян сегодняшнее развлечение, ученики-гладиаторы — тироны — фехтовали на арене, сражаясь с похвальным пылом, но без вреда для себя, ненастоящими палицами и деревянными мечами.

Это бескровное сражение никому из зрителей, за исключением старых легионеров и отпущенных на волю гладиаторов-рудиариев, участвовавших в сотнях состязаний, не доставляло никакого удовольствия. Вдруг по всему амфитеатру раздались шумные и довольно дружные рукоплескания.

— Да здравствует Помпей!.. Да здравствует Гней Помпей!.. Да здравствует Помпей Великий!.. — восклицали тысячи голосов.

Войдя в цирк, Помпей занял место на площадке опидума. Он приветствовал народ изящным поклоном и, поднося руки к губам, посылал поцелуи в знак благодарности.

Гнею Помпею было около двадцати восьми лет; он был высокого роста, геркулесовского телосложения; необыкновенно густые волосы его почти срослись с бровями, из-под которых глядели большие миндалевидные черные глаза, правда, малоподвижные и невыразительные. Суровые и резкие черты его неподвижного лица и могучие формы его тела производили впечатление мужественной, воинственной красоты.

Уже в двадцать пять лет этот юноша заслужил триумф за войну в Африке и одновременно получил от самого Суллы, вероятно в минуту необычайно хорошего настроения, прозвище Великий.

Он сумел завоевать любовь всех легионов, состоявших из ветеранов, закаленных в трудах и опасностях тридцати сражений и провозгласивших его императором.

Быть может, громкие приветствия, которыми встретили Помпея римляне, собравшиеся в Большом цирке, отчасти объяснялись ненавистью к Сулле. Не имея возможности выразить эту ненависть иным способом, народ проявлял его в рукоплесканиях и похвалах Помпею как единственному человеку, способному совершать подвиги, равные подвигам Суллы.

Вскоре после прибытия Помпея появились консулы, срок полномочий которых истекал первого января следующего года, — Публиций Сервилий Ватий Изаурик и Аппий Клавдий Пульхр. Впереди Сервилия, несшего службу в текущем месяце, шли ликторы. Позади Клавдия, исполнявшего обязанности консула в прошлом месяце, также шли ликторы, неся фасции.

Когда консулы появились на площадке оппидума, все зрители поднялись как один в знак уважения к высшей власти республики.

С прибытием консулов бескровное сражение учеников прекратилось, гладиаторы, которым предстояло участвовать в сражениях, ожидали только сигнала, чтобы, по обычаю, пройти перед властями. Взгляды всех были устремлены на оппидум в ожидании, что консулы подадут знак начинать состязания, но консулы окидывали взглядами ряды амфитеатра, как бы ища кого-то, чтобы испросить у него позволения. Действительно, они ожидали Луция Корнелия Суллу, который хотя и сложил с себя звание диктатора, но оставался верховным повелителем в Риме.

Наконец раздались рукоплескания, сперва слабые и редкие, а затем все более шумные и дружные. Все взгляды обратились к Триумфальным воротам, через которые вошел в цирк в сопровождении многих сенаторов, друзей и клиентов Луций Корнелий Сулла.

Этому необыкновенному человеку было пятьдесят девять лет. Он был довольно высок ростом, хорошо и крепко сложен, и если в момент появления в цирке шел медленно и вяло, подобно человеку с разбитыми силами, то это было последствием тех непристойных оргий, которым он предавался всегда, а теперь больше, чем когда-либо. Но главной причиной этой вялой походки была изнурительная неизлечимая болезнь, наложившая на его лицо и на всю фигуру печать тяжелой, преждевременной старости.

Лицо Суллы было ужасно. Не то чтобы вполне гармонические и правильные черты его лица были грубы — напротив, его большой лоб, выступающий вперед нос, несколько напоминающий львиный, довольно большой рот, властные губы делали его даже красивым: эти правильные черты лица были обрамлены рыжеватой густой шевелюрой и освещены серо-голубыми глазами — живыми, глубокими и пронизательными, имевшими одновременно и блеск орлиных зениц, и косой, скрытый взгляд гиены. В каждом движении этих глаз, всегда жестоких и властных, можно было прочесть стремление повелевать и жажду крови.

Но верный портрет Суллы, изображенный нами, не оправдывал бы эпитета «ужасный», который мы употребили, говоря о его лице, а оно было действительно ужасно, потому что его покрывала какая-то отвратительная грязновато-красная сыпь, рассеянные там и сям белые пятна, что делало его очень похожим, по ироническому выражению одного афинского шута, на лицо мавра, осыпанное мукой.

Сулла, медленно ступая, с видом пресыщенного жизнью человека входил в цирк. На нем сверх туники из белоснежной шерсти, вышитой кругом золотыми украшениями и узорами, была надета вместо национальной паллы или традиционной тоги изящнейшая хламида из яркого пурпура, отороченная золотом и приколотая на правом плече золотой застёжкой, в которую были вправлены драгоценнейшие камни. Как человек, с презрением относящийся ко всему человеческому, а к своим согражданам в особенности, Сулла был первым из тех немногих, которые начали носить греческую хламиду.

При рукоплесканиях толпы усмешка искривила губы Суллы, и он прошептал: «Рукоплещите, рукоплещите, глупые бараны!»